

ОРД(-2 ОРВ)
Д 69

В.В. ДОРОФЕЕВ

НАД Уральским Уралом

В.В. Дорофеев

орд(-20рб)

Д.69

орд(-20рб)

63.3(2Рос-40ре-20ре)

+ ор 63,3

ВВЕДЕНИЕ

НАД ЯИКОМ-УРАЛОМ

2-е издание,

дополненное и переработанное

а-307545

МДЭ

Оренбург-2008

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им.Н.К.КРУПСКОЙ"

*«Шрижды Загатая»,
единожды рожденная твердыня»*

В апреле 1735 года «известная экспедиция» выступила из Уфы к устью Ори. Путь ее лежал на юг вверх по долине реки Белой, затем вниз к урочищу Красная гора на Яике и отсюда вверх по его течению к устью орскому. На место прибыли лишь 6 августа, пройдя путь около 700 верст. Такое медленное продвижение объясняется задержками из-за поднятого башкирскими феодалами восстания. Они не хотели основания города и строительства крепостей, так как видели в упрочении русской администрации на юго-востоке страны угрозу своим привилегиям.

После соответствующей подготовки 15 августа 1735 года была заложена небольшая крепость недалеко от устья. Об этом событии в Сенат рапортовали: «Августа 15-го Оренбургская первая крепость купно с цитаделью малою на горе Преображенской заложена и следует работа с поспешностью». Крепость была «о четырех бастионах» незначительных размеров: 145 на 120 саженей, не считая выступов по бастионам, что в метрах составляет 309 и 256 соответственно. Вместе с цитаделью с севера на юг ее протяженность была немногим более полукилометра. Со словом «цитадель» связано представление о чем-то мощном, неприступном, здесь же ничего подобного не было. Оградой цитадели служила небольшая насыпь с частоколом общей высотой около двух метров. В крепости было двое ворот: на север, в сторону Яика, и на запад. 30 августа в нее уже ввели солдатскую команду, а на следующее утро установили артиллерию. Это, разумеется, не значит, что за такой короткий срок все было закончено. Ров, например, далеко не достигал проектного профиля, во многих местах его не было совсем; крепостная ограда носила временный характер. Поспешность диктовалась необходимостью: до зимы оставалось мало времени, и надо было иметь хоть какой-то оплот.

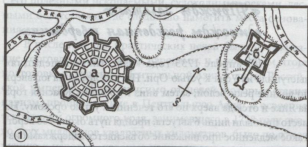

Рис. 1. План Оренбурга у Орского устья.

Неосуществленный проект (а).

План малой крепости, из которой потом развился Орск (б).

31 августа, то есть в тот же день, когда утром в первой крепости установили артиллерию, «при Яике и устье Орском» торжественно заложили «настоящий Оренбург о девяти бастионах по ситуации места регулярно при выстреле из тридцати одной пушки», — пишет П.И. Рычков. Расстояние от его центра до первой крепости составляло около двух километров, диаметр равнялся почти километру. Планировка решена по радиально-кольцевой схеме с центральной площадью, что вполне соответствовало господствовавшему принципу регулярности. В церемонии закладки принимали участие киргиз-кайсаки Младшего и Среднего жузов, башкиры и другие. Присутствовал сын Абулхайра султан Ералы, были также купцы из Ташкента. И.К. Кирилов пригласил азиатских и российских купцов на следующий год на торг в новый город Оренбург. Таким образом, сразу выявились обе основных функции города: быть оплотом новой пограничной линии крепостей, которую начинали создавать, и служить центром хозяйственно-политического общения с Востоком. Расположение города на левом берегу Яика подчеркивало, что крепость должна служить защитой казахам.

Постройку девятибастионного города-крепости отложили до следующего года, чтобы первую крепость «возможным образом утвердить». На следующий год помешало разраставшееся восстание в Башкирии. Так «настоящий Оренбург» никогда и не был начат постройкой на Ори, поскольку инициатор этого дела И.К. Кирилов вскоре, 14 апреля 1737 года, умер.

Из первой крепости позже развился город Орск, сейчас «старый город». На горе, где теперь колокольня, и была маленькая цитадель. Гарнизону крепости пришлось перенести тяжелейшую зимовку 1735–1736 годов, когда он выжил лишь ценою отправки части людей почти на верную смерть от голода и мороза: из 773-х человек в пункт назначения – Сакмарский городок – пришло только 223 человека.

На место умершего И.К. Кирилова был назначен Василий Никитич Татищев. Он именовался уже начальником комиссии, как стали называть Оренбургскую экспедицию. В.Н. Татищев – выдающийся русский ученый, способный администратор, автор «Истории Российской», разносторонний специалист, участник ряда кампаний в Северной войне, раненный в Полтавском сражении, проявил себя во многих отраслях деятельности. До своего назначения начальником комиссии он был начальником уральских горных заводов. В. Н. Татищев, знакомый с делами экспедиции раньше, не разделял взглядов И. К. Кирилова по ряду вопросов. Не одобрил он и выбора места для главного опорного пункта создаваемой линии крепостей. Оно было отделено от других русских городов большими горами и очень удалено. Вопрос о строительстве города на Орском устье отпал сразу же по его приезде в Самару, куда еще осенью 1736 года из Уфы был переведен весь состав экспедиции. Он узнал, что сама местность, где заложен город, низменная, затопляемая в половодье, место бесплодное и безлесное. Поскольку сам город был только заложен, а «ничем еще не основан», то есть ничего построено еще не было и не было затрат, можно было основать его в другом месте. Поэтому

он отправил одного из инженеров, инженер-майора Ратиславского, в Сакмарск и на урочище Красной горы, о котором ему сообщили, что оно удобно для постройки города. Еще до личного осмотра как старого, так и предлагавшегося нового места, Татищев послал в Петербург донесение с изложением своего мнения, вместо бодрых кириловских реплий пошло сообщение совсем другого тона. Надо сказать, что Кирилову инженеры говорили о неудобствах места, «да слушать не хотел», — замечает Татищев. Нельзя не согласиться с А. Г. Кузьминым, автором книги о Татищеве (ЖЗЛ), что Кирилов «воспринимал действительность в радужных тонах, даже если к этому было не слишком много оснований». Отсюда и некоторая легковесность проекта устройства главного города в устье Ори, то есть там, откуда путь в Среднюю Азию ближе, малое внимание к отрицательным моментам этого выбора.

На устье Ори Татищев прибыл только летом следующего года. О том, какой он увидел первую Оренбургскую крепость, сказано так: «По прибытии моем здешнюю крепость нашел я в ужасном состоянии: оплетена была хворостом и ров полтора аршина, а сажень на 50 и рва не было, так что зимою волки в городе лошадей поели». Татищев немедленно принял меры и крепость была «регулярною земляною работою и рвом уфортифицирована».

По пути к Орскому месту Татищев осматривал местность у Красной горы. Здесь было два предложения. Англичанин, находившийся в составе комиссии как математик и астроном, морской капитан Джон Эльтон предлагал место под горой. Оно было признано слишком тесным для будущего города (необходимо здесь заметить, что позже Эльтон вступил в персидскую службу на Каспии, вредил России). Инженер-майор Ратиславский предлагал строить по склону горы, что было также неудобно, хотя, с оборонительной точки зрения, и выгодно. Татищев выбрал третье место, на некотором расстоянии от горы. Часть его занимает сейчас село Красногор. Ратиславскому было пору-

чено снять план местности для того чтобы приступить к проектированию.

В начале 1739 года В.Н. Татищев, получив разрешение, отправился в Петербург, где подал в кабинет обстоятельные представления по устройству края. Среди них одним из главных было строительство Оренбурга у Красной горы. С предложениями Татищева согласились, но его самого удержали в столице для проведения следствия по доносам, где его обвиняли в злоупотреблениях. Он был отстранен от должности, и в июне 1739 года начальником Оренбургской комиссии был назначен генерал-лейтенант, князь В. А. Урусов.

Что касается В. Н. Татищева, то для него дело окончилось более или менее благополучно, в том смысле, что его не осудили, несмотря на предвзятость мнений большинства членов следственной комиссии. С середины 1741 года он возглавил калмыцкую комиссию, и с этого же года исполнял обязанности губернатора Астраханского края. По настоящему он так и не был оправдан.

20 августа 1739 года вышел указ, где было сказано: «Город Оренбург строить на изысканном месте вновь при Красной горе, ...прежний Оренбург именовать Орская крепость»¹. Таким образом, нареченный Оренбургом город на устье Орском никогда не был построен, даже никаких строительных работ, очевидно, не произвели. Название же города носила четыре года только первая небольшая крепость.

Прибыв в Самару, князь Урусов сразу стал принимать меры к тому, чтобы начать строительство Оренбурга летом 1740 года, «чего для при Красной горе принадлежности... осенью и в зиму приутоговлять было велено, с тем чтобы весной, выступив из Самары, основать город.

События, однако, помешали этому. Восстание в Башкирии не затухало; и, уже выступив в оренбургский поход, Урусов получил с курьером указ из военной коллегии, чтобы

¹Проектов строительства в 1740 году было два (позже добавился еще один). ПСЗ, т. X, № 7876.

«ему, генерал-лейтенанту, — как пишет П.И. Рычков, — оставя оренбургский поход, со всею командою итти прямо на воров-башкирцев и так единожды усмирить, чтоб впредь к замешаниям никакой искры от них не осталось», что он и учинил. Он подавлял восстание с чрезвычайной жестокостью. В одном Сакмарском городке, где производилось следствие над частью повстанцев, было казнено 170 человек, более трехсот человек наказали кнутом и «урезыванием носов и ушей для публичного знака». Происходило это в последних числах сентября, и для строительства города времени уже не оставалось. За все лето Урусов всего один раз побывал на месте предполагаемого строительства, чтобы осмотреть его, и то проездом, не пробыв у Красной горы даже полного дня. Это было в конце июня, он приказал тогда снять план ситуации и составить проект, чтобы потом можно было все обсудить.

Для места, одобренного В.Н. Татищевым, проект планировки выполнили инженер-прапорщик Димитрий Тельной и архитектор Лейтгольд. Проект интересен потому, что позже оказался близок к осуществлению, кроме того, он представлял собой своеобразный переход от планировочного решения города на устье Ори к планировке настоящего Оренбурга.

На чертеже (рис. 2) видно, что крепость оставалась 9-бастионной и почти круглой. Планировка же решена по прямоугольному принципу, тогда как на Орском устье была применена радиально-кольцевая схема.

В обоих случаях планировка отвечала принципу регулярности, который тогда господствовал, хотя радиально-кольцевая схема использовалась значительно реже. В проекте у Красной горы обращает на себя внимание особое расположение кварталов, благодаря которому значительно сокращается количество сквозных улиц. Сделано это, видимо, в оборонительных целях: кварталы на юго-западе и юго-востоке явно прикрывают часть улиц, что имело бы существенное значение для организации обороны внутри крепости в случае прорыва через вал. По центральным осям

а - 307545

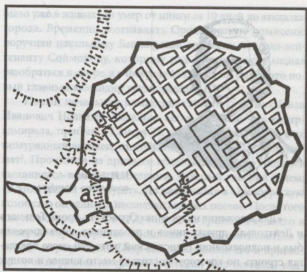
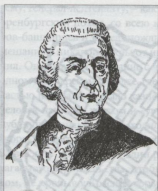

Рис. 2. План Оренбурга у Красной горы. Проект

кварталы, перекрывающие улицы, делят город на три довольно изолированные, хотя и неравные части. Это также могло способствовать обороне. Искать иные причины такого планировочного решения вряд ли целесообразно, тем более, что по обычной прямоугольной схеме все улицы просто пересекаются под прямым углом, о чем свидетельствует регулярная планировка населенных пунктов той эпохи не только в России, но и в других странах. К такому решению проектировщики пришли, видимо, исходя из предыдущего плана. Возможно также и влияние проекта Петербурга (города-крепости на Васильевском острове) по варианту архитектора Д. Трезини, где такой прием используется. К юго-западу от города, на холме со стороны Яика, до которого тогда было около полукилометра, предлагалось построить цитадель (на чертеже обозначена буквой «а»).

*И.И. Неплюев –
основатель Оренбурга*

«Для заложения и строения» Оренбурга, кроме Тельного и Лейтгольда, других чинов и работников, командирован был и подполковник Ратиславский, который снова предлагал строить по косогору, поскольку место виднее и воздух чище. Тельной с Лейтгольдом настаивали на избранном Татищевым месте, обосновывая это в том числе и тем, что улицы будут ровными, земляную работу производить легко, там, где далеко от воды, можно устроить колодцы; на горе же больше песчаная почва, под ней камень – о колодцах, разумеется, и речи быть не могло. Проекты отправили в Самару, где комиссия по докладу Урусова определила строить город на месте, выбранном Тельным и Лейтгольдом, а на горе сделать цитадель.

Наконец, 1 августа 1741 года, «при надлежащем Всевышнему Богу молебствии с пушечною пальбою», новый Оренбург был заложен. Здесь стоит заметить, что до этого в течение двух лет города с названием Оренбург теоретически совсем не существовало, хотя по привычке Орскую крепость и именовали еще так.

Работы начались, но споры между строителями не прекратились. Это привело к остановке начатых работ. Требовалось вмешательство главного командира, а Урусова не

5-30242

было уже в живых, он умер от цинги за 10 дней до закладки города. Временно возглавлять Оренбургскую комиссию поручили начальнику Башкирской комиссии, генерал-лейтенанту Соймонову, которому ряд обстоятельств мешал разобраться в споре, а в феврале 1742 года он узнал, что новый главный командир уже определен.

Новый начальник комиссии, тайный советник Иван Иванович Неплюев, имевший также военный чин контр-адмирала, прибыл в Самару 26 апреля 1742 года. Это был незаурядный человек, способный администратор и дипломат². Происходя из древнего обедневшего рода, Неплюев выдвинулся при Петре Великом, который говорил о нем: «В этом малом путь будет». До назначения в Оренбургскую комиссию он занимал несколько важных постов. После того как по возвращении в 1720 году из-за границы, куда его в числе 20 гардемарин посылали совершенствоваться в военно-морском деле, Петр сам экзаменовал его и присвоил чин поручика галерного флота, он был оставлен надсмотрщиком на Адмиралтейских верфях. В 1721 году царь послал его в Константинополь дипломатическим резидентом, где он пробыл 14 лет. Когда Неплюев вернулся в Россию, его ввели в коллегию иностранных дел. С 1739 года он был губернатором в Киеве, а затем главнокомандующим Украины. Но после елизаветинского переворота он был арестован, так как был довольно близок с деятелями бывшего правительства, особенно с Остерманом, и участвовал в качестве одного из следователей в процессе кабинет-министра Вольнского. Вскоре его, однако, освободили и послали устраивать обширный Оренбургский край.

По прибытии Неплюев, в первую очередь, занялся вопросом строительства нового города. Вникая в существо спора между строителями, он рассмотрел все планы и карты, как местности при Красной горе, так и других. Изучив все

²История дипломатии. Т. I. М., 1941, с. 282;

Всемирная история. Т. V. М., 1954, с. 264.

материалы, Неплюев пришел к выводу, что город лучше было бы строить не у Красной горы, а недалеко от устья Сакмары. Преимущества этого места представлялись ему в том, что оно расположено ближе к российским хлебным местам и находится в середине линий новопостроенных крепостей; кроме того, здесь было больше воды и леса.

Свои соображения Неплюев сообщил правительствующему Сенату. В этом районе было по существу два места, где можно было строить город. Одно – у Черноречья, другое – к востоку от устья Сакмары, где уже имелась основанная еще Кириловым небольшая Бердская крепость, отчего все место именовалось Бердском. Первое имело то преимущество, что от Самары его не отделяла водная преграда реки Сакмары, но зато по другую сторону Яика далеко простиралась затопляемая пойма, что затрудняло бы доступ с Бухарской стороны как во время половодья, так и после него. Этих недостатков не было у Бердского места, куда Неплюев прибыл во время летнего похода. После осмотра местности велено было артиллерии капитану Галофееву и инженер-прапорщику Тельному «оному городу план ситуации снять, также и проект, как ему застроено быть, учинить».

Несмотря на эти приготовления, Неплюев направился для осмотра места при Красной горе, желая, очевидно, убедиться в правильности принимаемого решения. По дороге он наметил места будущих Нежинки и Вязовки, и 14 июля прибыл на Красную гору. Предпочтение было сделано Бердскому месту. У Красной горы, кроме уже упомянутых недостатков, было отмечено, что в проекте не только у Ратиславского, но и у Тельного с Лейтгольдом, далеко до проточной воды. От ближайших построек, не считая цитадели, оказалось бы около километра до Яика. Место было окружено стоячей водой. Кроме этих проектов существовал еще один, составленный, возможно, уже в 1742 году. Автор его Лука Галофеев³. Отличие проекта в том, что хотя город и располагает-

³РГАЛИ, ф. 1399, оп. 1, д. 566, л. 1.

ся по косогору, но около двух третей застройки города находились бы не далее 600 – 650 метров от воды. Этот проект, по мнению Неплюева, имел «против учиненных первых проектов» то преимущество, что «против онаго удобнаго прохода неприятель ни с какой стороны не имеет».

Прибыв затем в Орскую крепость, Неплюев собрал всех штаб-офицеров на совет, где окончательно было решено строить Оренбург при Бердском месте. Поэтому вскоре, 28 июля, в Петербург с планом и проектом был отправлен капитан Галофеев. Так окончилось строительство Оренбурга при Красной горе. Вместо города возникло село, первоначально крепость, занимающее сейчас юго-западную часть территории непостроенного города (рис. 1). При застройке, по-видимому, частично использовалась старая разметка, потому что направление улиц в основном совпадает с тем, что дано на проектном плане города.

План, посланный на утверждение, носил еще некоторые черты проекта Тельного и Лейтгольда при Красной горе: крепость была круглой⁴. Планировка же получила дальнейшее развитие, приобрела большую стройность. Проект был утвержден императрицей Елизаветой 15 октября 1742 года резолюцией на докладе Сената, где в резюме говорится: «...при урочище Красной горы... города Оренбурга строить не надлежит, а ...надлежит оный строить ...при Бердской крепости»⁵. Последнюю следовало перенести на новое место.

Весной 1743 года из Самары к месту строительства выступила команда, которую возглавлял генерал-майор фон Штокман. 19 апреля (30 по новому стилю) Оренбург был заложен там, где сейчас находится исторический центр города, «и с надлежащим молебствием и с пушечною пальбою». Место самой церемонии закладки не установлено, но она могла быть только в двух местах: или в самом центре будущего города, то есть в районе перекрестка нынешних

⁴РГАЛИ, ф. 1399, оп. 1, л. 563, л. 1.

⁵ПСЗ. Т. XI, № 8630.

улиц Ленинской и Советской, или, что более вероятно, на высоком берегу над Яиком, откуда открывался вид на необозримые степные дали, да и само торжество можно было видеть издалека.

Так, наконец, был основан город, назначением которого было стать и твердыней, и центром хозяйственно-экономического общения с народами Востока. История подтвердила правильность выбора, сделанного одним из «птенцов гнезда Петрова». Более двух с половиной веков спустя Оренбург остается административным и хозяйственным центром обширной территории, и к тому же является важным узловым пунктом на пути в Среднюю Азию, причем первая железная дорога, напрямую связавшая центр России с ней, начиналась именно в Оренбурге.

«Уфортифицирован и снабден артиллериею»

Сразу после закладки Оренбурга началась интенсивная работа по строительству как города, так и крепости, причем последнюю следовало привести в обороноспособное состояние по возможности скорее. Для строительства согнано было довольно много людей разных национальностей, живших на территории края. Основную массу составляли тептяри и бобыли (тептярями в то время называли татар, которые жили в Башкирии, бобылями – крестьян чудского племени, принявших татарский язык и мусульманство). Хотя не все наряженные на работу прибыли в срок и в должном количестве, в первый сезон особого недостатка в рабочей силе не ощущалось. Это позволило до наступления морозов насыпать вал и выкопать ров. Они, разумеется, были еще далеки от проектного профиля, но, как пишет П.И. Рычков, вал был «к тогдашнему защищению весьма довольным». Иногда совершенно неверно ука-

зывают, что уже к осени 1743 года Оренбург был окружен высоким крепостным валом. Как будет показано позже, чертежи говорят другое, и вышеуказанные слова П.И. Рычкова, которые, по-видимому, и вводят в заблуждение авторов, нужно понимать как достаточную обороноспособность при случайных нападениях, а не осаде. Принимая во внимание длину вала (5743,5 метра) и общий объем его без брусстера при высоте валганга равной шести футам (20 000 куб. метров с лишним), можно было бы только удивляться, если бы закончили вал за один сезон, ведь на земляную работу больше 1000 – 1100 человек вряд ли могли поставить, надо было строить и город.

Оренбург был крепостью бастионного типа. По проекту в целом она соответствовала своему времени и месту. В России XVIII века крепости делились на три группы по степени их совершенства, в зависимости от их расположения на западе, юге и востоке. Определяющим здесь был уровень военного дела у возможного противника. На западе, где противник имел регулярную армию, оснащенную первоклассной артиллерией, система фортификационных сооружений была достаточно сложной. Главный вал, прикрытый рavelинами и гласисом, поднимался над местным горизонтом иногда более чем на девять метров, или, употребляя специальную терминологию, командование главного вала составляло более девяти метров. На юге укрепления были мельче, главный вал ниже, так как регулярные армии были слабее и имели меньше артиллерии, чем на западе. И, наконец, на востоке, где у потенциального противника не было ни регулярной армии, ни артиллерии, считалось достаточным иметь только главный вал и ров, а командование главного вала обеспечить до 4,5 метра. Это не значит, что вспомогательные укрепления не проектировались, но без них, как правило, обходились. К этому можно добавить, что и гарнизоны по отношению к площади, которую надлежало защищать, были здесь значительно малочисленнее, чем на западе.

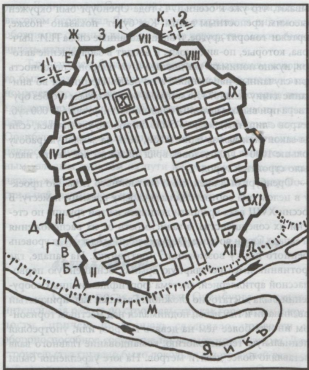

Рис. 3. Схематический план крепости относительно современного города и планировочная схема Оренбурга

Оренбургская крепость имела 10 бастионов и два полу-бастиона – укрепления с одним фасом и одним фланком. По проекту она была тринадцатибастионной и круглой. Строить же ее стали овальной, приблизив западную и восточную стороны. Вероятно, это сделано для улучшения обороны: западную сторону отодвинули от склона к пойме, чтобы перед валом простреливалось большее пространство.

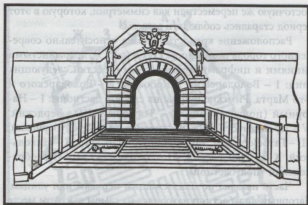
Восточную же переместили для симметрии, которую в этот период старались соблюдать во всем.

Расположение крепостного вала относительно современного города показано на схеме (рис. 3), прерывистыми линиями и цифрами отмечены перекрестки следующих улиц: 1 – Володарского и Кобозева, 2 – Володарского и 8-го Марта. Римские цифры на схеме – бастионы: I – Нагорный (полубастион), II – Торговый, III – Бердский, IV – Провиантский, V – Воскресенский, VI – Губернский, VII – Галофеевский, VIII – Фонштокманский, IX – Никольский, X – Неплюевский, XI – Успенский, XII – Преображенский (полубастион).

Часть названа по близлежащим церквям или улицам. Нагорный полубастион находился на самом высоком месте западной стороны крепости. Этот бастион позже пытались переименовывать в Воскресенский, а тому, в свою очередь, дать другое название, но переименование не прижилось. Бердский бастион назван по расположению около бывшего западного конца Бердской крепости; в Провиантском были провиантские склады. Торговый бастион, возможно, носил свое имя в связи с расположением около дороги и ворот, где в Оренбург проезжали с Бухарской стороны восточные купцы.

Вал по первому проекту имел высоту в среднем 12 футов – более 3,5 метра, по низким местам он был выше, а по высоким – ниже, тем самым достигалась определенная его горизонтальность. Ров, окружавший крепость, проектировался глубиной 12 и шириной 35 футов, то есть более 10-ти метров, но ширина не была всюду одинаковой.

Сквозь вал вели четверо ворот. В первый период они в основном были однотипны. На севере, несколько метров севернее перекрестка улиц Советской и Володарского на стороне сквера, находились Самарские ворота, в 50-е годы они стали именоваться Бердскими, а затем и Сакмарскими. Оба последних названия некоторое время употреблялись наравне, пока окончательно не закрепилось «Сакмарские».

Яицкие ворота (по чертежу 1760 г.)

Эти ворота были главными, через них проезжали из столицы, поэтому крепость здесь завершена была в первую очередь. На востоке вал прорезали Орские ворота. Сначала они были в конце куртины у Неплюевского бастиона (перекресток Ленинской и Студенческой улиц), что, строго говоря, противоречило правилам. Западные ворота назывались сначала Сакмарскими, в 50-е годы Чернореченскими, затем Самарскими, но закрепилось название «Чернореченские». На их месте теперь перекресток улиц Пушкинской и Бурзянцева. На юго-западе, чуть восточнее перекрестка улиц М. Горького и Бурзянцева, находились Яицкие ворота. Параллельно в народе они назывались и Водяными: это было самое низкое место крепости, и вода отводилась здесь из нее через трубу сквозь фас Торгового бастиона и по специальному водоотводу под проезжей частью ворот в большой ров и дальше по специальному рву в реку. В период таяния снега и в дождь около этих ворот должно было скапливаться много воды. Через эти же ворота провозили и воду, но возили ее и в других местах, и не это, должно быть, опреде-

лило народное название. Все ворота были каменными и сводчатыми. Воротные мосты были в XVIII веке деревянными. На рисунке показаны Яицкие ворота по чертежу 1760 года. Они имели следующие приближенные размеры: высота проема – 3,6 метра, ширина его – 3 метра, общая высота более шести метров. Интересен мост. Он с двумя люками в средней части. Расстояние между ними соответствует ширине ворот и могло служить меркой для повозок с грузом.

На южной стороне предполагалось брустверное укрепление от Преображенского до Нагорного полубастиона, включавшее редант – укрепление в виде выступающего наружу угла. Здесь проектировались пятые – Водяные ворота. Планировали также срезать под бруствером «крутость горы, коя из природного камня». Практически почти все осталось на бумаге, ибо особой необходимости в этом не было.

Первоначально вся ограда Оренбургской крепости проектировалась по профилю, показанному на чертеже под буквой «а» (рис. 4). Особенностью здесь является уступ на уровне местного горизонта, отделяющий эскарп рва от крутости вала. Уступ этот, называемый бермой, может быть горизонтальным или наклонным; он применяется и теперь у высоких плотин, железнодорожных насыпей и т. п. Назначение бермы – представлять упор для дерна, которым покрыта крутость вала; препятствовать размыву вала атмосферными осадками тем, что стекающая вода задерживается, не приобретя слишком высокую скорость; предохранять ров от скатывающейся по крутости вала земли. По этому профилю была сделана северная куртина между Губернским и Галофеевским бастионами. Находясь с парадной стороны крепости, она пользовалась особым вниманием. Уже в 1745 году ее западная половина на протяжении 33-х сажень была совсем готова, тогда как весь остальной вал оставался еще бесформенным (черт. «б», рис. 4)¹. Профиль не

¹РГАДА, ф. 248, кн. 150, л. 129.

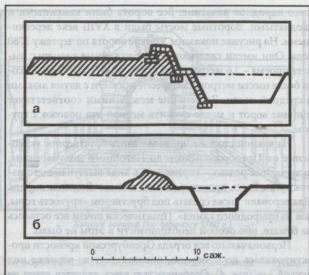

Рис. 4. Профили вала в 1746 г.

мог быть сделан к этому времени потому, что, судя по чертежам, объем отсыпанной земли достигал примерно трети необходимого, если за основу брать профиль упомянутой куртины. Ров почти всюду имел половину проектировавшейся ширины, и не был доведен до нужной глубины.

Такой темп работ объясняется не нерадивостью начальства и ленью рабочих людей, а появившейся острой нехваткой их. Весной и осенью свирепствовала цинга, за зиму и весну 1744 года от нее умер 631 человек. О том, как нужны были люди и как мало их можно было получить, свидетельствует сенатский указ, где на 1746 год планируется в Оренбург для земляной работы отправить 714 тептярей, бобылей, вотяков и черемисов, из расчета по одному с 8-ми дворов. Кроме того, Казанский гарнизонный и драгунский полки, из двух других полков 200 человек, едьяцких казаков

21 человек, из бывшей Мочинской крепости 45 человек, «из которых рабочих людей и в прочие места, сколько от тамошняго (то есть Оренбурга) отлучить возможно будет, уделится». Цифры говорят сами за себя.

Для закрепления уклонов оборонительных сооружений употреблялись дерн и камень. Эскарп должен был нести каменную «одежду». Согласно правилам фортификации, каменная кладка не должна была подниматься до высоты, видимой неприятелю: все, что было выше, закреплялось дерном. Так, например, в Петербурге адмиралтейство, считавшееся крепостью, было окружено земляным валом, закрепленным дерном, что можно видеть на картине второй половины XVIII века в музее истории Петербурга. Это правило не касалось укреплений, обращенных к морю, морских крепостей.

Ко времени основания Оренбурга в Европе закончился длительный период «между старой системой каменных стен и новой системой земляных укреплений, облицованных камнем только в тех местах, которые невидимы для неприятеля на расстоянии», как пишет Ф. Энгельс в своей работе по фортификации. На этот период потребовалось «почти два века», говорит он там же, чтобы «убедить в преимуществе не покрытых камнем земляных укреплений»².

В Оренбургской крепости, однако, дерну предпочитали камень. Но это говорит, пожалуй, не о чрезмерной консервативности инженеров, а об особенностях местных условий. В сенатском указе от 28 сентября 1747 года «О строениях по городу Оренбургу...» об этих условиях сказано: «сия каменная работа пред дерновою, хотя с малым излишним трудом, но весьма прочнее и надежнее, и по состоянию тамошняго места всему городу преизрядный вид дает; к тому ж экспедициею апробовано, что тамошний дерн не годится, ибо года чрез два высыхает и обращается песком, чего для, в ломке и теске плитнаго камня с первым вешним временем ссыльные определены быть имеют».

²Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., 1958, с. 259, 266.

Каменную одежду, пренебрегая вышеупомянутым правилом, собирались дать во всю высоту вала вместе с бруствером. Так была сразу же облицована первая куртина, так же лицевались в первые годы и другие участки вала там, где велись каменные работы. Оправданием нарушения правила может служить отсутствие артиллерии у потенциального противника. Каменная кладка не была толстой, всего около фута, но со связями, которые углублялись в земляной вал еще примерно на один фут. Под эту «одежду» закладывался небольшой фундамент на глубину около полутора футов, как у подошвы рва, так и на берме, которая тоже лицевалась.

О темпе работ можно судить по отчетам. В 1745 году, например, «эскарпа рва поднято камнем 146 сажен, да валу на одной куртине 33 сажени по профилю и с дерном камнем же подобрано», кроме того, «подобрано камнем со внутренней стороны целый бастион».

В 1748 году из главной канцелярии артиллерии и фортификации прислали и рекомендовали другой профиль, без бермы, другого наклона или заложения. И. И. Неплюев новый профиль не принял. К этому времени Оренбургская канцелярия на месте разработала другой профиль, тоже без бермы, и по нему лицевались бастионы по обе стороны северной куртины. Сама же куртина, несмотря на некоторую реконструкцию в дальнейшем, так и осталась до конца с бермой.

Автор капитального труда по фортификации в России 1725 – 1762 годов, военный инженер генерал-лейтенант Ласковский, который, кстати, весьма невысоко оценивает «искусство» тех, кто проектировал и принимал первые профили Оренбургской крепости, пишет, что фасы вышеупомянутых бастионов были облицованы уже в 1747 году по профилю губернской канцелярии. Имеющиеся чертежи эту дату не подтверждают. Во всяком случае, левый фас Губернского бастиона еще в 1751 году оставался не облицованным вообще и имел берму. Каменную одежду, и довольно крутую, имел здесь только эскарп (профиль Е – Ж, рис. 5).

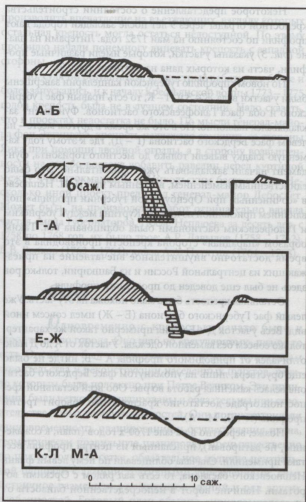

Рис. 5. Профили участков вала в 1751 г.

Некоторое представление о состоянии строительства крепостной ограды через 9 лет после закладки города дают профили по состоянию на май 1752 года. Литерами на плане (рис. 3) указаны участки, которые имели различные профили, часть из которых дана на чертежах (рис. 5).

По новому профилю губернской канцелярии завершены были участки вала Ж – З и И – К, то есть правый фас Губернского и оба фаса Галофеевского бастионов. Фундамент закладывался наклонно. Но в это же время в другом месте – на левом фесе Бердского бастиона (Г – Д), где к этому году каменную кладку вывели только до местного горизонта, фундамент начали закладывать уже горизонтально. Это было единственным изменением, внесенным при И. И. Неплюеве в «сочиненный при Оренбургской губернии профиль» под влиянием присланной из центра. Куртина между Губернским и Галофеевским бастионами была облицована вся. Таким образом «парадная» сторона крепости производила в это время достаточно внушительное впечатление на приезжающих из центральной России и из Башкирии, только ров здесь не был еще доведен до проектного профиля.

Остальная крепость была мало похожа на эту часть. Уже левый фас Губернского бастиона (Е – Ж) имел совсем иной вид. Весь участок Д – Е носил примерно такой же характер, только совсем без каменной одежды. Участок от А до Д мало отличался от приводимого профиля А – Б, нигде не было еще бруствера, лишь на упомянутом фесе Бердского бастиона велась каменная работа во рве. Обо всей остальной крепостной ограде достаточно красноречиво говорит третий профиль (К – Л, М – А).

Позже, вероятно в начале 1760-х годов (план, к сожалению, не датирован), присланный из центра профиль все-таки применили. Сначала облицевали по нему левый фланк Неплюевского бастиона, то есть вал рядом с Орскими воротами. Наличие ворот в непосредственной близости от этого места и определило, по всей вероятности, выбор участка, поскольку прослеживается тенденция, прежде всего,

производить впечатление на въезжающих, взгляду которых остальная крепость могла остаться недоступной. По этому профилю начали понемногу лицевать крепость с западной стороны.

Но, судя по результатам, крепостные работы все более и более запускались, и к началу Крестьянской войны 1773 – 1775 годов крепость была не в лучшем состоянии. Надо сказать, что в проектах недостатка не было. По мысли генерал-майора фон Эттингера, крепость надлежало сомкнуть со стороны Яика при помощи двойной ограды, а в сторону возвышенности на северо-востоке добавить рavelин перед куртиной между Фонштокманским и Никольским бастионами. Несколько иной проект предлагал генерал-майор Дебоскет. Может быть, на производство работ отрицательно влияла частая смена губернаторов. После Неплюева за десять лет, с 1758 по 1768 год, их было трое: А.Р. Давыдов (1758 – 1762), Д.В. Волков (1763 – 1764), князь А.А. Путятин (1764 – 1768).

Город

Одновременно с крепостью начато было и строительство города. Оно шло по «регулярному» плану, то есть Оренбург был спланирован по новым принципам строительства и реконструкции населенных пунктов, начало которым было положено при Петре Великом. Эти принципы были четко сформулированы и обязательны при строительстве новых городов, крепостей. Они предусматривали единовременность планирования и осуществления плана, геометрически правильную планировку, преимущественно по прямоугольной сетке, обязательное наличие центральной площади с административными учреждениями, симметричное размещение комплексов зданий и ряд других особенностей. Готовый план обычно «привязывался» к рельефу местности, что часто приводило и к неудачным решениям. Это было стандартно-типовое планирование; на

Южном Урале, например, все крепости строились прямоугольными в плане.

Благодаря своему ведущему значению, Оренбург строился по плану, разработанному на месте, в основу которого легли те же принципы, но примененные более гибко. Так, административный центр расположили не на главной площади, а у реки, в начале главной улицы, что совпадало со старинным размещением центра русских городов; нет полной симметрии в размещении торговой части. Это, по словам историка архитектуры Н. Л. Крашенинниковой, «придавало Оренбургу свой, ему одному присущий художественный образ»¹.

Особенность, однако, не только в этом. Анализ показывает, что принцип прямоугольной сетки тоже применен творчески, так что планировка органично сочетается с функцией крепости. Город ведь могли спланировать, просто пересекая улицы под прямым углом. Это полностью соответствовало бы регулярности, и многие города так и спланированы; но к Оренбургу подошли иначе, как это видно из схематического плана (рис. 2), отражающего застройку первых десятилетий, если не считать переноса Гостиного двора. План построен на двух взаимно перпендикулярных осях (современные улицы Советская и Ленинская), с центральной площадью на их пересечении. На осях построен прямоугольник улиц, почти опирающийся на овал крепости. Улицы прямоугольника имели рокадное значение, в случае осады они позволяли бы перебрасывать силы, не перегружая центр и пространство около вала. Первые их названия были Воскресенская, Казанская, Артиллерийская, Проезжая; сейчас это соответственно ул. Кобозева, Краснознаменная, 8-го Марта, М. Горького. Главные планировочные оси делили город на четыре сектора, каждый из которых можно было легко изолировать в случае необходимости. Свое дальнейшее развитие и завершенность получила

¹Крашенинникова Н. Л. Архитектурное наследие, № 21. М., 1973, с. 18.

здесь планировочная структура города у Красной горы. Число сквозных улиц сокращено до минимума. Улицы перекрываются кварталами уже не через одну, а сразу по две и даже три. Таким образом, при надлежавшей застройке, а она рекомендовалась в то время «сплошной фасадой», в любой части города достаточно было бы 5 – 6 заслонов, чтобы локализовать прорыв через вал. Локализации прорыва через ворота способствовало бы продольное по отношению к ним расположение кварталов. Главной причиной такого своеобразного решения планировки (аналога ей не найдено, исключая частный случай планировочной схемы у ворот) явилась, возможно, особенность потенциального противника – кочевников. Основной силой их была конница, а действие ее ослабляется, если приходится поворачивать.

Весь комплекс особенностей дает право говорить об уникальности планировки города-крепости на Яике. В большей своей части она дошла до нас и является сама по себе памятником истории и культуры.

С градостроительной точки зрения интересен выбор направления улиц: ведь они могли быть спланированы и по-другому. Дело в том, что периферийные кварталы не могут быть по-настоящему симметричны, так как осевая улица расходится с осью овала крепости на 17 – 18 градусов, в то время как в XVIII веке общепринятым было симметрично-осевое построение планировочных систем. Поэтому можно было ожидать совпадения осей, тем более, что рельеф не препятствует прокладке улиц в любом направлении. Но из-за отсутствия документов это можно только предполагать.

Когда утверждался проект, выбор направления улиц не играл роли в отношении симметрии, ведь крепость была круглой. Вероятно, главную улицу начали именно в этом месте потому, что здесь удобный выход на обрыв реки: восточнее холм, а западнее спуск более пологий. Направление же на северо-северо-запад определилось выходом ее между двумя средними по отношению к этой точке бастионами – таким образом, улица оказывалась осью симметрии. Кре-

пость, однако, построили овальной, причем овал даже не совсем правильный. Но направления улиц менять не стали, возможно даже, что изменение формы крепости произошло на месте, когда разбивка улиц была уже произведена. Как бы то ни было, но план решен удачно; за более чем 200-летний период принципиальных изменений в планировку внесено не было, что довольно редко. Кстати, благодаря такому решению в городе не было окна, из выходящего на улицу, в которое никогда не попадал бы солнечный луч.

Регулярность отражалась не только в планировке города, но и в принципах его заселения, которое проводилось строго по плану. Кварталы или корпуса, как их тогда называли, расположенные вдоль главных осевых улиц – Губернской и Штабской (нынешние Советская и Ленинская), планировались под застройку казенными домами, а также домами чиновников, офицеров, казачьей старшины. В экспликациях к планам первых лет записано: «места, предназначенные под строение штаб- и обер-офицеров, також и других чинов, кои пред прочими лучше построить могут».

Основную часть населения города составляли военные – солдаты и казаки. В гарнизон поставили Пензенский полк, по нему и первое название современной Пушкинской улицы было Пензенская. Решили перевести сюда самарских и алексеевских казаков и дворян (Алексеевск в 24-х верстах от Самары). Самара уже не нуждалась в них, прикрываемая новой линией крепостей по Яику. Планировались места и для уфимских дворян и казаков.

Строительство началось весной и велось все лето, так как к нему «самое наиприлежнейшее старание прилагалось», поэтому еще до морозов солдаты были помещены в теплые казармы. Для офицеров и чиновников Оренбургской комиссии также построили дома, часть из них носила временный характер, но П. И. Рычков пишет, что «каждый по состоянию своему без всякой нужды и утеснения пребывать мог». Неплюев в строящийся город приехал в начале августа, потому что еще в январе, отдав все необходимые распоряже-

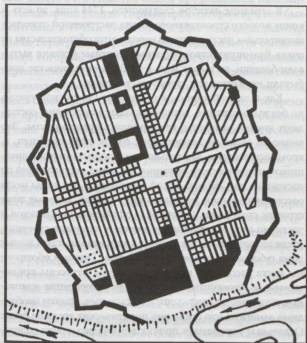

Рис. 6. Схема первого расселения «по чину»

ния, отправился из Самары в Уфу и дальше осматривать и устраивать укрепленную линию и новый край. Как опытный руководитель, он не отделял себя от остальных и жил как все. Об этом он сам пишет так: «а как, во всяком случае, лучший пример к снесению труда может подать командующий, то я сам в том месте жил в палатках до ноября месяца, имея только для дочери моей кибитку, а для себя обыкновенную землянку, каковыя и у последнего жителя были, и не прежде в построенный командирский дом вошел, как все жители в их дома, а гарнизон – в казармы».

К середине октября следующего, 1744 года, то есть к концу второго строительного сезона, застроенной оказалась значительная часть площади города, хотя обстоятельства не очень благоприятствовали этому: тяжелые условия вызывали болезни, не в срок и не в требуемом количестве прибывали наряженные к строительству люди.

Как и планировалось, к востоку от Губернской улицы, но без выхода на нее, селились казаки; исключение составляют южные кварталы, где строились артиллеристы. Это видно на схеме расселения (рис. 6), где плац обобщен, и, кроме осевых улиц, дан только четырехугольник упоминавшихся улиц рокадного значения. На схеме, составленной по состоянию на 1750 год², кривой штриховкой показаны места расселения казаков, вертикальной – солдат, которые тоже строили свои дома, клеточкой – офицеров, чиновников и частично купцов, сплошным цветом – казенные строения, среди которых были как конторы, канцелярии, так и жилые дома губернатора и высших офицеров. Точками обозначены места расселения прочих, к которым отнесены так называемые «своекоштные», то есть не получавшие жалованья, а жившие на свой «кошт», и ссыльные, причем необходимо заметить, что среди них политических тогда не было. Отдельные вкрапления прочих встречались среди солдатских, но не среди казачьих домов, где поселилось только несколько священнослужителей; эта часть города так и называлась – «казачья слобода»³. Последнее часто вводило и вводит в заблуждение авторов разных справочников, которые, считая, что имеется в виду слобода за городом, пишут, что якобы одновременно с городом с самого начала за валом строилась казачья слобода.

Всем строительством ведала контора строений, которая в первые годы помещалась в начале переулка, носящего теперь имя Каширина, на восточном его углу. По ней пере-

²РГИА, ф. 349, оп. 27, л. 2442, л. 1, 2.

³РГАДА, ф. 248, кн. 150, л. 129.

улок вместе с его геометрическим продолжением назывался Инженерной улицей. Первым архитектором при ней был Лейтгольд в 1743 и 1744 годах, с 1746 года здесь работал Иоган Вернер Мюллер⁴. Контора отводила места согласно плану, который, как уже было видно, отражал социальное неравенство того времени. Лучшие места отдавались более привилегированной публике, богатым людям. Кварталы вдоль осевых улиц были шириной в 30 саженей, в то время как другие имели в поперечнике 26 и 24. Таким образом, лучшие участки имели в глубину 15 и более саженей, а обычные только 13 или 12. Наиболее распространенными были дворовые места длиной по улице в 8 саженей. Казакам отводили иногда до 10-ти, а солдатам наоборот иногда меньше, до 6-ти. Ссылные, те, кому было разрешено поселение, получали еще меньше, часто только по 4 сажени. Офицерские же участки вдвое больше стандартных, а у казачьей старшины еще больше. Если обычный участок по площади составлял 4 – 5 сотых га, то у атамана Могутова, например, их 23, а у губернского секретаря П.И. Рычкова – даже больше 31-й сотой.

Уже в 1744 году, в самом центре города на площади, там, где сейчас музей, стоял «кабак симбирского купца Ивана Твердышева» и на другой стороне улицы дом, принадлежавший ему же. Имел купец этот более десятка металлургических заводов на Урале. С его легкой руки почти целый век это место оставалось связанным с питейным делом. Так по чину, званию и деньгам происходило первоначальное заселение Оренбурга.

Застройка началась со стороны набережной и близ ворот, кроме Самарских на севере, где сразу поставили только караульную и казармы. Такое распределение первых построек связано, вероятно, с желанием иметь на всякий случай людей поближе к наиболее уязвимым местам крепости. В казачьей слободе выделяются две группы кварталов: пер-

⁴Крашенинникова Н. Л. Архитектурное наследие, № 24, М., 1976, с. 73.

вая – по обе стороны Штабской улицы от Орских ворот и немного к северу от нее, вторая на севере, здесь уже ближе к другим, Самарским воротам.

Если казачья слобода росла сначала на север от малой оси, то армейский городок, в первое время преимущественно казармы временного типа, распространялся к югу от нее, но уже в западной половине города; в северном секторе построили только две казармы около Самарских ворот. Основная часть армейских построек располагалась между Самарскими и Яицкими воротами.

Еще одна группа кварталов идет по Губернской улице от набережной Яика. Здесь воздвигались губернские учреждения и дома «инженерных, медицинских и прочих по губернии состоящих служителей». К востоку в самой южной части появились «духовные чины», а чуть севернее их два квартала заполнили собственными домами артиллеристы; относительно современного города это между Южным переулком и самым началом ул. 8-го Марта.

В этот период сооружается ряд специальных зданий. Близ Торгового бастиона появляются госпиталь «из дикаго камня о шести покоях» и аптека «о восьми покоях и в ней материальной погреб», тоже из дикаго камня. В Бердском бастионе сооружают «острог для содержания ссыльных, а в нем 10 казарм», а неподалеку от него, вдоль куртины на юг, – конюшня на 300 лошадей. В Провиантском бастионе появляются «провиантские магазины», то есть продовольственные склады, а около Преображенского полубастиона «материальной магазейн». Отдельно от всех построек, на месте современного сквера Осипенко, стоит первый Гостиный двор, сооруженный из плетня, обмазанного глиной. Но первой из всех специальных построек была законченная еще осенью 1743 года Успенская церковь. Она была деревянной, и поставили ее на высоком месте – в начале квартала между нынешними Дмитриевским и Южным переулками, последний вместе со своим геометрическим продолжением сначала назывался по ней Успенской улицей. В 1744 же году по-

является уже вторая – «из дикаго камня при Пензенском полку церковь», возведенная на Штабской улице в районе современного Дома художника. Вообще все постройки этих лет были преимущественно деревянными.

В 1745 году заполнение пустых мест идет менее интенсивно: основной контингент был так или иначе размещен, а пополнение работными людьми шло с задержками; снова свирепствовала цинга. Направление застройки сохраняется, главным образом, заполняют начатые кварталы. Ничего принципиально нового не вносят и следующие годы: планомерно застраиваются восточная и юго-западная части, а северо-западная вплоть до 1750 года почти пустует. Больше становится церквей: в 1746 году в казачьей слободе появляется Никольская близ одноименного бастиона, а при госпитале – Воскресенская, обе из дикаго камня. Строились они весьма экономно, особенно последняя: через 12 лет она настолько обветшала, что священник жаловался: «Земля сыплется и от ветру церковь трясется, из четырех колоколов два расшиблены». Эта церковь, как и предыдущие, была фахверковой, и каркас оказался, по-видимому, слишком слабым. В этом же году рядом с Успенской закладывается первая церковь, которую строят фундаментально, – Преображенский собор. Это уже пятая за четыре года.

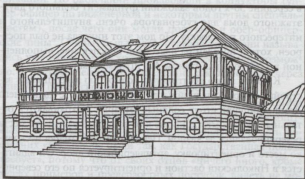
Обратим внимание на построенную в 1745 году на центральной площади каменную гауптвахту – здание «о четырех покоях», с деревянным куполом, на котором позже установили часы с боем и циферблатами на две стороны. Сколько это первое здание простояло, не вполне ясно. Сравнение планов города показывает, что оно и перестраивалось и меняло место в пределах небольшого квартала, занимаемого сейчас школой № 30. В этом же году около Никольского бастиона появился артиллерийский деловой двор, на набережной – дома губернатора и генерал-майора, оба из камня. На главной улице, к северу от Проезжей, по левой стороне, немного не доходя до современного магазина «Океан», строится из дикаго камня дом «о 5-ти покоях для при-

езжих знатных людей», фактически это первая гостиница Оренбурга.

Всего со времени закладки города и по 1746 год «построено казенных и разных чинов дворов 628», из них 419 к середине октября 1744 года уже стояло. К началу 1751 года почти совсем не застроенной осталась только самая северо-западная часть города. По отношению к современному городу это пространство приблизительно ограничивается, начиная от ул. Кобозева, Соляным переулком, улицами Кирова и Пролетарской.

В 1750-е годы в городе появляются крупные здания, часть из них дошла до нас, правда, не без изменений. Прибавилось, разумеется, церквей, они составляли особую заботу И.И. Неплюева, и, вероятно, не столько потому, что он, как пишут, был очень набожным, а потому, что православие было основной идеологической опорой самодержавия. В осваиваемом крае, где важно было привлечь к государственной религии так называемых «инородцев», это имело особое значение. В 1750 году закончилось сооружение Преображенского собора, автором проекта считается И. Мюллер. В 1756 или 1758 годах освящается возведенная около Нагорного полубастиона Введенская церковь. Эти церкви, как и все предыдущие, строились на казенный счет, были достаточно строгими, но влияние барокко проявлялось достаточно ясно. Они были поставлены симметрично друг другу относительно главной улицы, и с азиатской стороны Яика были видны издалека.

Между этими двумя доминантами выделялся и завершенный в этом десятилетии комплекс губернской канцелярии (Оренбургская губерния была образована еще в 1744 году, губернатором стал Неплюев). Он занимал всю ширину квартала между Губернской и Комисской улицами (последняя, ныне Пролетарская, тогда выходила на набережную). Комплекс состоял из трех зданий: центрального двухэтажного и двух одноэтажных. Одно из них – со стороны Губернской улицы – было построено еще в первые годы, в плане оно

Губернская канцелярия

Г-образное, по конструкции фахверковое. Сначала канцелярия размещалась только в нем. Симметрично ему по другую сторону строится тоже Г-образное, но уже кирпичное здание. Оно дошло до нас в реконструированном виде.

Центральное здание в плане напоминает букву «Н». Парадный фасад, обращенный к Яику, имел два боковых ризалита (выступающие части стены). На уровне второго этажа они связывались балконом, опиравшимся на четыре колонны. Дом поставили на высоком цоколе.

К входу вела парадная лестница, ширина ее не совпадала с шириной колоннады и длиной балкона. В архитектурном облике здания заметно влияние барокко. Окна с коробовым завершением и наличниками на втором этаже, имевшими «ушки», значительно способствовали этому впечатлению. Связь с барокко чувствовалась бы сильнее, если бы поставлена была проектировавшаяся как ограждение крыши балюстрада. Первый этаж, предназначенный «для архивы и казны», был сводчатым, то есть имел самое мощное по тем временам перекрытие, снаружи он зрительно утяжелен рустом, как это видно на рисунке. Центральное здание относительно одноэтажных выступало намного вперед, что заметно на рисунке. На другой стороне главной улицы

в середине 50-х годов заложили фундамент большого двухэтажного дома для губернатора, очень внушительного и интересного по проекту. Но дом этот никогда не был построен, хотя и показан на известной перспективе, выполненной в 1760 году капитаном А. Ригельманом⁵.

К концу этого десятилетия полностью завершилась застройка северо-западной части города. На месте нынешнего Дома офицеров стоят соляные амбары. Застраиваются остальные пустые места, кроме юго-западной части, где места резервировались за казной. Переделывается, меняя несколько место и ориентировку, артиллерийский двор. Он вдвигается в Никольский бастион и ориентируется по его северному фланку. Здание дошло до нас, сохранив в основном внешний вид, и находится на улице Студенческой. Окна с коробовым завершением и частично сохранившимися наличниками барочного характера исконные, а прямоугольные – более позднего происхождения. Рядом позже построена кузница, здание которой сохранилось и находится на территории нынешнего зенитно-ракетного училища. Сооружаются и другие хозяйственные постройки. Существенно появление на центральной площади севернее гауптвахты, то есть там, где сейчас драмтеатр, нового колодца; два других уже были в западной и юго-западной частях города. П.И. Рычков подчеркивает, что этот колодец построен с «изрядною кровлею».

Существовала и школа. Капитальное здание для нее построили тоже в этом десятилетии, но существовала она еще с 1745 года. Это не была школа в современном понимании этого слова. Она предназначалась не для детей, ее ученики были хотя и молодыми, но достаточно взрослыми, чтобы даже иметь свои дома. Обучались в ней специальностям. В 1745 году указано было иметь 10 инженерных учеников. Их обучали арифметике, геометрии и части форти-

⁵Дорофеев В. В. Перспектива Ригельмана как источник информации об Оренбурге XVIII века. – Памятники культуры, новые открытия 1985., М., 1987, с. 484.

фикации. По окончании производили в кондукторы (унтер-офицер по инженерной и некоторым другим специальностям), после чего они могли получать и обер-офицерские чины⁶. Открыт был и класс переводчиков, они назывались учениками татарской школы. Существовали, возможно, и другие специальности. Здание школы стояло через улицу от губернской канцелярии, к востоку от нее.

В 1748 году по инициативе И.И. Неплюева открыли другую школу, предназначалась она для сыновей своекоштных и ссыльных, назначенных на поселение, дабы дети последних «воспитаны были так, как Государственная польза требует», потому что от своих отцов «ничего иного, кроме худых примеров и предрезостных поступок, видеть не могут»⁷. Обучению в этой школе-интернате подлежали все с 7-ми до 15-ти лет. После окончания ее в 18 лет выпускников определяли в губернские учреждения, а если штатных мест нет, то в военную службу. Школу поместили в казарме. Сыновей разного возраста у своекоштных и ссыльных насчитывалось в Оренбурге, Бердской слободе и Чернореченской крепости 188, но сколько из них должны были идти в школу, не совсем ясно. Данных о том, сколько времени существовала школа, не обнаружено. Может быть, несмотря на указ Сената, следующие губернаторы перестали о ней заботиться. Неплюев же оставил Оренбург в 1758 году, уйдя по болезни временно в отставку.

Поскольку И.И. Неплюев является основателем города, здесь уместно добавить несколько слов о нем. В 1760 году он снова, уже в чине сенатора, стал служить, симпатизируя группировке великой княгини Екатерины. Последняя настолько доверяла Неплюеву, что дважды оставляла на него Петербург, когда ей, императрице, нужно было уезжать из столицы. В 1764 году он окончательно ушел в отставку; умер И.И. Неплюев 80-ти лет от роду в 1773 году. Современники

⁶Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 26. М., 1965, с. 562.

⁷ПСЗ, т. XII, № 9553.

характеризовали его как честного, неподкупного, справедливого человека, имевшего «разум твердый и тонкий» и «беспредельное почитание» к памяти Петра Великого. Но при всем том надо иметь в виду, что он был убежденным защитником самодержавия и действовал соответствующим образом.

Общегородских учебных заведений еще не было, грамоте учили при церквях, занимались частным порядком. В этой связи можно добавить следующее: в конце 40-х – начале 50-х годов «дети лучших людей, служивших в Оренбурге», отдавались учиться немецкому языку к сосланному в каторжную работу некоему Иосифу Розе, который был не только жестоким и грубым, но и невеждой, «не знал даже грамматических правил», как вспоминал о нем Г.Р. Державин, поэту довелось в семилетнем возрасте попасть к тому в Оренбурге в обучение.

Необходимо отметить еще несколько зданий этого периода. Уже в 1745 году за городом с западной стороны, на берегу старинного озера, построили небольшую торговую баню. К югу от нее затем построили мясные ряды, а еще южнее, уже на берегу Яика – пивоварню. Здесь же, по-видимому, с 1750 года, стали наводить мост «на судах», то есть на плашкоутах. Находился он примерно там же, где сейчас постоянный автогужевой мост. Недалеко отсюда, немного к востоку, выходил ров для спуска воды из крепости, а восточнее вдоль берега появился первый кирпичный завод Оренбурга. Вскоре, однако, кирпичное производство перенесли к северу, к 1760 году кирпичные заводы – сараи и обжигательная печь – находились уже вдоль склона к пойме к востоку от нынешнего Ардатовского переулка. К этому же времени контору строений вынесли за крепостной вал, тоже на запад. Ее двор занимал значительную территорию в районе начала современной Пушкинской улицы, сада им. Фрунзе и улицы Чичерина. К северу и югу от нее стояли кузницы. На месте конторы сначала образовался единый «почтовый и аманатный двор, где и для приезжих штаб- и обер-офицеров изрядные покои сделаны» были. Позже здесь находились только почтовый двор и школа.

Георгиевская церковь в XVIII в.

С восточной стороны города долгое время не было никаких построек, лишь в 1750 году напротив Неплюевского бастиона появилась мясная лавка, примерно в 250-ти метрах от Орских ворот. В 1752 или 1753 году здесь началось строительство загородной казачьей слободы. Предусмотрена была еще на проектном плане 1742 года. Возможно, что строительство ее началось и позже указанных лет, но в 1755 году здесь заканчивается строительство церкви. К этому времени часть слободы была уже застроена. Церковь небольшая, строилась на казенный счет и названа была Георгиевской, или Егорьевской, в этой связи и слободу обычно называли «Егорьевской». В слободе селились в основном крещеные калмыки, записанные в казаки, поэтому одно из названий слободы было: «Калмыцкая». По этой же причине по справке войскового атамана Могутова в сентябре 1756 года

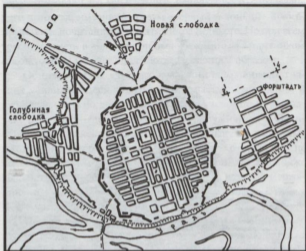

Рис. 7. План Оренбурга с казачьей слободой в 1760-е годы

для новой церкви «требуется» от духовного правления «ко определению для находящихся и пребывающих здесь на службу крещеных калмык и прочих поселяющихся здесь особою слободою казаков... избран был человек искусной и в калмыцком разговоре знающий». За год до этого был утвержден штат Оренбургского казачьего войска.

Предмestье строилось прямо от городского вала перед Неплюевским и Успенским бастионами, считалось «под пушечною обороною», чем, однако, не оправдывается нарушение правил фортификации, которые не допускали построек вблизи крепости. Целый ряд материалов позволяет с уверенностью утверждать, что не только не было ретраншмента, но и слобода никогда не доходила до тех размеров, которые указаны на упомянутых планах и перспективе⁸.

⁸РГВИА, ф. ВУА, д. 22300 и 22802; ф. 349, оп. 27, д. 2462;

См. также: Дорофеев В. В. Указ. соч., с. 483 – 484.

Оправданием же такого расположения слободы может служить только одно – пушками крепости надежнее обеспечить верность новообращенных. Расположение слободы относительно современного города показано на *рис. 7*, где цифрой 3 указан перекресток улиц Чкалова и Выставочной. Таким в общих чертах был город к 60-м годам XVIII века. На том же плане цифрами показаны следующие пересечения современных улиц: 1 – Володарского – Кобозева, 2 – Володарского – 8-го Марта, 4 – М. Горького – Бурзянцева. Важной работой оборонительного порядка было прорытие канала для спрямления русла Яика в 1750 году, которое к началу 1760-х годов в этом месте уже значительно расширилось, но, как видно на плане, основным еще не стало.

«Знатный торг»

В качестве «окна в Азию» Оренбург, хотя и строился как крепость, сразу начал развивать торговлю, а для этого нужны были Гостиный двор, базар. Под базар специально оставили место между валом у Сакмарских ворот и Воскресенской улицей, ограниченное на севере Никольской, а на юге Штабской улицами. Применительно к современному городу это соответственно улицы Бурзянцева и Кобозева, Рыбный переулок и Ленинская. Уже в 1744 году здесь было начато строительство мытного двора, то есть двора для сбора торговой пошлины. Одновременно строятся и торговые лавки. В начале 1751 года на базаре значатся тринадцать казенных лавок и «тридцать два партикулярных места», или частных. Как те, так и другие были невелики: казенные около четырех, и частные – немного больше двух метров, считая вдоль ряда. Кроме того, было еще четырнадцать «лачужек» для торговли.

Почти в самом центре базара построили и первое здание городской полиции – всего около 17-ти метров длиной и немного больше 4-х шириной. Это место где-то в середи-

не квартала по южной стороне улицы Пушкинской, между улицами Кобозева и Бурзянцева.

Западные ворота, таким образом, были для приезжающих преимущественно базарными. Хотя здесь базар просуществовал недолго, район этот так и остался связанным с торговлей вплоть до наших дней: в нем расположены торговые организации области.

Первый Гостиный двор (рис. 3, «х»), построенный из плетня, был на месте сквера им. Осипенко и дома 27 по улице Советской, где размещаются магазины «Жемчуг» и «Подарки». По Губернской он тянулся на 60, а по Казанской на 40 сажений, но до красной линии последней он не доходил. Гостиный двор имел два входа: один со стороны главной улицы, он почти совпадает с подворотней дома 27, второй симметрично ему с другой стороны, оба располагались строго по центру длинной стороны.

Напротив Гостиного, там, где была касса кинотеатра «Победа», к 1746 году построили для таможи первый дом, длина его была около 29-ти метров. Вокруг таможи домов тогда не было, но вскоре неподалеку появилась еще одна «торговая точка», несмотря на отсутствие жилья вблизи. Явно с расчетом на гостей, там, где сейчас магазин «Буратино», был построен небольшой дом «своекоштного казака Луки Масатова для продажи вина».

Торговля в Гостином дворе особенно оживлялась зимой, когда не было менового торга за Яиком на Меновом дворе, о котором будет сказано ниже. В Оренбурге в 1743 году появились товары русских мануфактур – сукна и металлические изделия, предназначенные для торговли с азиатскими народами¹. И.И. Неплюев в 1745 году писал, что «знатный торг в Оренбурге возымел начало», это касалось, конечно, не только Гостиного двора. Размах торговли оказался, видимо, шире, чем ожидалось. Гостиный двор стал

¹Здесь и далее данные о товарах и объеме торговли в XVIII веке даются по монографии Н. Г. Аноловой «Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX вв. АН СССР, М., 1960.

тесен, да и постройка была временной, поэтому уже на плане 1749 года намечены контуры нового, значительно большего Гостиного двора. Его строительство начинается в 1750 году, по-видимому, по проекту И. Мюллера.

Новый двор строили на месте, планировавшемся ранее под три квартала и частично застроенном только вдоль Пензенской (первое название Пушкинской) улицы. Причем он был длиннее проектировавшихся кварталов и поэтому захватывал северной стороной около половины Алексеевской улицы, получившей по нему через несколько лет название Гостиной, а потом Гостинодворской (ныне улица Кирова). Размеры нового Гостиного двора – 95 на 91 сажень (есть и размеры 104 на 94), таким образом, по площади он почти в четыре раза больше первого, который сразу стал именоваться старым. Строительство закончилось в 1754 году. До нас он дошел в перестроенном виде, но часть стен осталась и была включена в объемы более поздней постройки.

Гостиный двор представлял собой чуть вытянутый четырехугольник с двумя воротами по центру более длинных сторон. Над восточными, выходившими на Губернскую, была построена надвратная церковь, а над западными – колокольня; она сохранилась в перестроенном виде. Наружные стены Гостиного двора были глухими, только в угловых помещениях, не имевших выхода во двор, сделали окна. Эта наружная суровость несколько оживлялась колокольней и упомянутой церковью, освященной в 1755 году во имя Благовещения. Зимой в этой церкви было очень холодно, и священник Иван Осипов жаловался, что «в зимнее время приходилось греть руки и воздуха с покрывами над горном» (воздухи – род покрова). Этот же священник добился затем расширения церкви: видимо, купцам, для которых она предназначалась, стало в ней тесно. Перестройку начали в 1775 и окончили в 1784 году. Церковь осталась надвратной. У нее стали выделяться две наружные лестницы, которые вели на площадку, или «гульбище», откуда входили в здание. В XIX веке эта церковь снова перестраивалась. Дворовые фасады

Гостиного двора решены были в виде аркады, которая обрамляла открытый обход вдоль лавок, их было 150, не учитывая угловых помещений. Каждой арке соответствовала лавка. «Среди одного двора, – пишет П.И. Рычков, – построена каменная таможня о четырех покоях, между которыми пространный пакгауз, где для всякого развесу учреждены весы». Как таможню, так и лавки покрыли листовым железом, что обходилось тогда очень дорого.

С открытием нового Гостиного двора отпала нужда в базаре с мытным двором, так как весь торг перенесли во внутреннее пространство. Полиция же перешла на главную площадь на место прежнего питейного заведения в новый дом, который поставили на больших винных подвалах, или выходах, как их тогда называли. В плане дом был Г-образным и помещал также корчемную контору. Таким образом, только две стороны цокольного этажа с винными выходами имели надстройку, так как он был прямоугольным в плане. Верхняя и нижняя части здания существовали довольно независимо друг от друга, даже окна не совпадали по осям; и если внизу всегда были винные выходы, то верх и перестраивался, и менял хозяев. С этими подвалами было связано и существование питейных домов, или кабаков, как их чаще называли. В середине 50-х годов их количество увеличивается и к 1760 году доходит до шести и затем до семи. Три из них были у ворот. Только у северных, которые стали уже называться Сакмарскими, не было кабака очень долгое время; когда он все-таки появился в XIX веке, то был не у самых ворот, а на соседней улице. Влияло положение ворот в качестве главных.

На проектом плане Оренбурга указан и Меновой двор. Предполагавшееся место постройки – район нынешней Яицкой к югу от улиц Чернореченской и Кирова и через сад им. Фрунзе до Гутучкинского переуллка. Но здесь строить его не стали, а возвели за Яиком. Возможных причин можно назвать несколько: во-первых, европейский берег не был доступен до спада воды после весеннего половодья, во-вто-

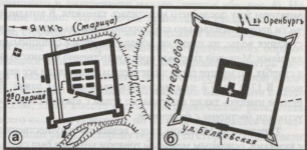

Рис. 8. Чертежи 1-го и 2-го меновых дворов

рых, с точки зрения безопасности неблагоприятно было самой крепости (а Меновой двор планировался прямо от гласиса) иметь постоянно большое скопление народа, в-третьих, основным меновым товаром был скот, а ему нужны пастбища еще до обмена, и будь Меновой двор на европейской стороне, это сократило бы городской выгон. Нельзя исключить и соображения безопасности в отношении эпидемий и эпизоотий. Все эти соображения, а, возможно, еще какие-то заставили отказаться от первоначально намечавшегося места.

Меновой двор построили на самом берегу Яика (теперь это старица), значительная часть бывшей его площади занята сейчас Агробиостанцией педуниверситета. На чертеже «а» (рис. 8) Меновой двор показан относительно 2-й Озерной улицы, границы дворовых участков которой обозначены штрихпунктирной линией, а дорога в дом отдыха – прерывистой линией. Несколько ромбовидная форма двора определялась рельефом: стороны, длина которых примерно по 200 метров, шли вдоль обрывов, только западная сторона не имела естественной защиты. С этой стороны были ворота, рядом с ними – караульня, и немного в стороне – часовня, а с южной стороны – маленькая мечеть. В сторону Яика вели вторые ворота. Амбары и лавки располагались в обоих четырехугольниках – большом и малом, в юго-

западном углу последнего находилась таможня. В западной части двора, параллельно его стороне, прокопали ровик для стекания воды, на плане он обозначен двумя сплошными линиями. Меновой двор был преимущественно мазанковый в столбах, но многое было и плетневым, покрывали все дерном. В 1746 году в нем насчитывалась уже 131 лавка. В центре имелись также казармы, по углам с южной стороны устроили бастионы с батареями.

Торговля на Меновом дворе велась преимущественно с казаками, основным меновым товаром которых был скот – лошади и овцы. В обмен им предлагались сукна и металлические изделия. Для развития торговли казакам разрешено было торговать продуктами своего хозяйства беспошлинно. В указе Коллегии иностранных дел от 22 сентября 1747 года говорилось: «...с киргиз-кайсаков, в Оренбурге торгующих, пошлин не берется». Целесообразность этого мотивировалась тем, что у них, как писал И.И. Неплюев, «ничего иного, кроме собственного их промыслу: зверя, також лошадей и баранов и собственного рукоделия, яко то кошем и тому подобного, не бывает, и торгуют все по малому делу в розницу». Вскоре обмен значительно вырос и в 1748 году достиг рекордной цифры – 50 226 голов, которая по различным причинам не была превзойдена до 1762 года.

Но этот Меновой двор просуществовал недолго. Весной 1749 года случилось сильное и внезапное половодье. П.И. Рычков пишет, что вода по лугам шла валом высотой около сажени, то есть более двух метров, и Меновой двор «весь потопило и размыло, а многое и разнесло». Поэтому уже на следующий, 1750 год, приступили к строительству нового Менового двора, на этот раз место выбрали выше, чтобы не бояться весеннего разлива: от переправы через Яик до него около 2,5 километра.

Новый Меновой двор строился сразу капитально, из кирпича, покрывался листовым железом и был значительно больше старого. Он состоял из двух дворов: большого

внешнего и внутреннего малого (чертеж «б», рис. 8). На плане видно, что он почти правильной квадратной формы, стороны около 440 метров длиной каждая, по площади более 19,5 гектара. Внешний четырехугольник образовывался лавками и амбарами, обращенными внутрь двора с задней глухой стеной почти четырехметровой высоты. Углы его связывались маленькими бастионами с батареями, здесь высота стены, а первоначально вала, была всего около двух метров, но батареи защищались еще небольшим рвом. В сторону города и со стороны степи были ворота, над первыми построили квартиру для таможенного директора, а над вторыми – помещение пограничной таможни. Меньший четырехугольник – «Азиатский двор» со сторонами 115 – 117 метров. Лавки обращены были и внутрь, и наружу. Тут было тоже двое ворот, причем интересно, что над теми, которые вели в сторону таможни, построили церковь, освященную в 1757 году «во имя Захария и Елизаветы», так что ее лучше видно было приезжающим из степи, а не из Оренбурга. На территории большого двора позже построили и мечеть, имелся там и колодец. Первоначально вокруг всего двора было 246 лавок и 140 амбаров, и на «Азиатском дворе» 96 лавок и 8 амбаров. На этом Меновом дворе рекордными по обмену скота в XVIII веке были 1786 – 1787 годы, когда выменяли 376 475 и 373 761 голову соответственно, более 99 процентов из них составляли бараны и ягнята. От стен Менового двора до Яика установили изгороди, начало их показано на плане прерывистыми линиями. Назначение изгородей, очевидно, – препятствовать беспошлинному обмену. Надо сказать, что обманов и злоупотреблений в торговле у купцов было очень много. Позже, в 80-е годы, губернатор О. Игельстром писал, что для выявления злоупотреблений «целую комиссию учредить надобно».

Постройки Менового двора не сохранились, но память о нем осталась в названии проходящей рядом улицы – «Меновинская» и в названии железнодорожной станции

«Меновой двор». Можно еще заметить, что на гравюре XVIII века, которая неоднократно публиковалась, пропорции Менового двора не соблюдены, как это часто бывало. Художник стремился показать весь двор, все детали, поэтому стены слишком высоки и коротки и т. п. На самом деле отношение высоты наружной стены к ее длине было 1:100, надвратная часть была, конечно, выше. Таким нужно представлять себе это старинное сооружение.

В Оренбург в качестве товара поступали и ценные металлы и даже драгоценные камни, которые привозили среднеазиатские купцы. Особенно большим был приток серебра в 1750 году – 1500 пудов. В этом же году – 10 пудов золота. Металлы эти были и в слитках и в монете. В городе, недалеко от Преображенского собора, у северного фланка одноименного полубастиона, располагалась специальная плавильня серебра.

Оборот был большим, в казну поступали значительные суммы, но город не богател, потому что служил только местом торговли, носившей ярмарочный характер. Своих богатых купцов в 50 – 60-е годы в Оренбурге почти не было. Например, из 109-ти купцов, торговавших в 1761 году с казахами в Оренбурге, своих городских только 6; в то же время из Сеитовского посада, или Каргалы, – 38, из Казани – 20, касимовских – 13, тульских – 8 и т. д. В 1770 году губернатор И. А. Рейнсдорп докладывал Екатерине II, что «Оренбург, который около осмидесяти тысяч рублей приносит казенного дохода... не имеет больше 4 или 5 человек капитальных, прочие ж все люди бедные». Попытки привлечения на жительство в Оренбург богатых людей особого успеха не имели.